

Владимир Макарченко

СТРАШНЫЙ ПОДАРОК

Страшный подарок

Веревка тянула вверх связанные за спиной руки. Боль плечевых суставов была по мозгам, вырубая сознание. Пот заливал лицо, скатывался тяжелыми каплями по седым усам и бороде. Тихий стон прорывался сквозь плотно сжатые зубы. А глаза пытаемого холодными льдинками смотрели на обидчиков, заставляя ощущать какой-то подсознательный страх.

— Подерни еще, Сема! Долго он тут из себя будет белорусского партизана разыгрывать?! Времени уже нет!

Плотно сложенный, ниже среднего роста парень, которого назвали Семей, попытался остановить старшего:

— А не крикнет? Видок такой, что сейчас и свернет свои ласты, Макс. Может, водички плеснем?

— Не забудь соломки подстелить.

— Чего ты? Откинется, кому польза? Где мы тогда этот дорогой хлам раздобудем?

— Ладно, уговорил. Опустим его на пол. Пусть

повалается немного, помыслит остатками мозгов. А ты, старый хрен, помни: отсюда есть только одна дорожка — к месту, где ты свои сокровища зарыл. Мне бы твое гнилье до... — Он сопроводил слова много выражающим жестом. — Но заказ дали с хорошим авансом. Кому-то, знать, надо. Говорят: ты колдун знаменитый. Потомственный. Что он там, в твоих шмотках, интересного для себя выискать хочет не знаю, но платит хорошо. А это главное.

— А, если я... больше заплачу? — Тихо простонал старик. — Отпустишь?

— Гляди-ка, разговорился! — Обрадовано вскрикнул Сема. — И что ты, полутруп, нам предложить можешь?

— Денег у меня нет. Не копил я их никогда. Не нужны они мне сверх потребности. Вот силу добрую мог бы выделить каждому из вас, чтобы хватило ее с вашими занятиями покончить...

— Если нам наша работа нравится? — Вступил Макс.

— Грязным делом вы заняты. Недоброй меткой отметились. Не будет вам места среди порядочных людей.

— А ты все это поправишь?

— Поправлю. Помогу на честный путь встать.

— И вместе с голодными шахтерами касками по мостовой брякать? Или мисками возле

администраций греметь? Не для нас занятие такое! Тащи-ка, Сема, за веревку. Видно, совсем оклимался, если агитировать начал.

Конец веревки, привязанный к связанным рукам старика, медленно пополз вверх. Новый стон потревожил тишину старой кочегарки заброшенного дома.

— Нелюди вы... А подарок-то я тебе, старшой, напоследок сделаю...

— Что ты можешь, труп ходячий?

— Отхожу я из мира этого... Сам себя ты убьешь сперва, а потом и найдешь то, что ищешь... Но... найдя, потеряешь...

— Слышал, Сема, что он тут нагородил? На трезвянку и не докатит. Закрепи веревку. Пусть повисит. А мы под его хруст по стакашку хряпнем...

* * *

Ночь в предгорьях выплескивается густыми черными тенями, быстро пряча за скалами раскаленное солнце. Мы разожгли костер и расселись и разлеглись вокруг, чтобы с глотками ароматного чая впитывать новые и выслушивать старые рассказы и байки наших друзей. Темнота разрывалась отблесками костра, звонкими голосами и задорным смехом.

Дурманящий запах поджаренного шашлыка, шипящего на шампурах заставил всех приутихнуть, сосредоточившись на желании скорее впитаться зубами в эти истекающие соком кусочки румяного мяса. В этот момент тишины за моей спиной раздался чей-то кашель. Кто-то явно стремился привлечь к себе внимание прежде, чем выйти на освещенное место.

— Кто тут? Выходи на свет, коль вышел к нам!

Из темноты к костру шагнул высокий широкоплечий мужчина в поношенных полу спортивных брюках, майке неопределенного цвета и летних сандалиях на босу ногу. Давно не стриженные волосы на голове возлегли густо седеющей копной. Сквозь глубокие борозды старческих морщин на окружающих смотрели явно молодые глаза небесного цвета.

— Кто таков? — Окликнул его мой друг Лева. — Заплутал?

— Запутал... — Со вздохом многозначительно произнес незнакомец. — Давно уже заплутал. Все дороги найти не могу...

— Что так? — Лева входил в свою профессиональную роль. Он — помощник прокурора.

— Да так уж вышло... Интересна ли вам история прохожего? Угостите чайком. Как

появился, так и исчезну. Забудете про меня и будете отдыхать дальше.

— А куда путь держишь?

— Куда ноги вынесут. Я свое все получил. По полной программе, как говорится.

— Может, поделишься с нами? Чую — не простая история у тебя. — Продолжал разговор Лева.

— Нужно ли вам это? А, впрочем, почему не рассказать... Позвольте только присесть. Устал очень.

Мы потеснились, освобождая ему место на сухом стволе поваленного дерева, который служил нам общей скамейкой..

* * *

— Макс! Вроде дышать перестал!

Макс плеснул в лицо старика остатки воды из бутылки и тот открыл глаза.

— Здесь я... Мне еще обещание свое выполнить надо... Дай-ка ухо, Макс... Да не бойся зазря. Руки то у меня повязаны. Да и на ноги встать не могу. Ухо дай. Для тебя говорить буду. Твоему приспешнику это слышать незачем.

Макс подошел и послушно подставил ухо к губам старика.

— Вот теперь двое вас. Зло в своем углу.

Добро — в своем. Не быть миру между ними. Добро убьет зло. Сам себя убьешь — добрый злого. Вполовину все потеряешь: и жизнь, и здоровье. Прощай теперь. Вручил тебе подарок драгоценный, можно и отходить. Свое получишь... — Старик обмяк и затих. Макс перерезал веревку и они с Семей уложили тело в угол комнатухи.

— Что заказчику говорить будем? — Сема с тревогой и надеждой смотрел на Макса. — Аванс-то получили.

— Деньги вернем. С ним шутки плохи. Везде достанет.

— Ты что, Макс? Может, смоемся, пока не кинется искать? Трасса недалеко. В первую попутку запрыгнем. Не найдет! Пять тонн баксов на дороге не валяются. В хозяйстве пригодятся.

В течение суток разные машины увозили их все дальше и дальше от заброшенной котельной.

— Давай, Макс, отдохнем денек в этом городишке, а потом и распрощаемся. Две дороги — не одна. Везухи больше.

— Давай. Только найдем, где остановиться.

Вечер в кафе маленького городка вылился в прощальное застолье с обильным потреблением любимого русского напитка. Макс не помнил, как дотянул до постели и уснул.

В дверь стучали так настойчиво, словно хотели сорвать с петель ветхое дверное полотно.

Вставать было тяжело.

— Кого там черт принес?!

— Участковый инспектор Галкин!

— Какого черта? Я официально зарегистрировался.

— Откройте, Борин! Вам нужно ответить на некоторые вопросы. Срочно! Или я вынужден буду сломать замок.

Макс открыл дверь и ухватился обеими руками за kloкочущую болью голову.

— Что случилось?

Следом за участковым в комнату вошла дежурная по гостинице и еще какие-то люди. Стало тесно.

— Где Ваш сосед? — Участковый указывал на не заправленную постель Семы.

— А что? — Макс удивился глупости задаваемого вопроса. — Удобства-то на улице. Там, видать, и заседает...

— Ты не шути! — Милиционер начинал злиться. — Там мы бы его и без твоих советов нашли.

— И что?

— А то! Добрые люди вчера вечером нашли его остывшего с пробитой головой в овраге за городом... Кто это его? Свидетели видели рядом с ним человека внешностью и очень похожего на тебя!

— Да одежда та самая! — Утвердительно заявила какая-то дама поднимая со стула рубаху Макса.

— Где дежурная? Она скажет, что я никуда не отлучался.

Участковый оглянулся на дверь.

— Марина! Что скажешь?

— В мое дежурство он из комнаты не выходил. Мне еще Надюха наказала, чтобы я его не прозевала. Сосед-то его еще вчера, до пересмены койку сдал и ушел... Просил товарища не беспокоить. Выспаться ему дать.

— Как — вчера? — Макс недоверчиво обратился к Марине. — Я что — вторые сутки сплю?

— Разберемся! — Прервал участковый. — Продолжай, Марина.

— А что продолжать? Как заступила, он ни разу из комнаты не показался. Я пару раз заглядывала. Спал, как убитый...

— Мне одного убитого выше крыши. Говори по существу.

— Я что? Я — все! О чем еще говорить?

Толстый, с сиплой одышкой и большими залысинами на шарообразной голове мужик пробурчал от порога:

— Если он в овраг ходил, то где же глина на туфлях? Оттуда таким чистеньким не выберешься.

Может, зря на мужика-то. Мало ли что старухам привиделось.

— Тебе, Степаныч, кто поручал выводы делать? — Участковый начинал злиться. — Я вас в качестве понятых! Что ты мне тут устраиваешь? Тоже мне, защитнички... Лады. Пусть в прокуратуре объясняется. Слышь, друг? Ты пока гостиницу не покидай. Да не мера пресечения! Предложение. И предупреждение!

Только оставшись один, Макс понял, что расхаживал перед народом в одних трусах. Он быстро натянул брюки и сунул руку в карман, где должна была лежать пачка сигарет. Что это?! Он извлек из кармана скомканную стопку стодолларовых бумажек. Пересчитал. Ровно пятьдесят. Этого не должно было быть. Они с Семей поделили деньги поровну еще в день приезда сюда. Что за чертовщина? Он остановился перед зеркалом. Оттуда на него смотрела довольная физиономия, чему-то странно улыбаясь. Он не мог так выглядеть. Закрыв глаза. Снова глянул в зеркало.

— Не узнаешь? — Голос раздался из зеркала. Причем, Макс мог дать голову на отсечение, что артикуляция губ отражения в зеркале (если это было отражение) соответствовала произносимым словам.

Холодный пот зудящими капельками высыпал

у него на лбу.

— Не падай в обморок. Нас теперь двое. Как в рекламе «Два в одном». Такой подарок старичок-колдун на прощанье выдал. Помнишь его слова?

— Так это ты... Сему?

— А кто же еще? Он в наших карманах пошарил, денежки забрал и проститься забыл. Не правильно было так поступать. Не по дружески. Вот я его в овраге и догнал. А что ботинки чистые — все верно. Я босой был. Да и стукнул его слегка. Он не от раны, видать, больше от страху отошел в мир иной. Нет на нас убийства. А денежки я вернул. Все. Ему-то зачем?

— Как же ты там... если я здесь?

— Когда ты спишь, я свободу получаю. Пока не вернусь, ты спать будешь. Сам только узнал такое. Будем радоваться жизни попеременно. — И оно, это второе Я Макса... — Залилось противным хохотом. — Вот так... Даже не знаю, как тебя называть. Максимум, чего влепить могут — ограбление. Бабок двух прозевал. Они там что-то собирали. Надо было бы и их!

— Заткнись! — Макс запустил в зеркало пустой бутылкой из-под пива. Осколки с шумом рассыпались по полу.

Тут же распахнулась входная дверь и в проеме нарисовалась Марина.

— Не отрезвел еще?! Мебель калечить? Снова участкового звать?

Макс поводит у нее перед глазами зеленой купюрой.

— Может, участковый не нужен? Само с гвоздя сорвалось. Давно висит поди?

— Может и сорвалось... Конечно, сорвалось. — Марина согласно закивала головой, пряча купюру куда-то под блузку. — Актик составим. Дел-то! Этому зеркалу в обед сто лет. Не волнуйтесь. Может, чайку?

— Не мешало бы.

— Вы уж тут приберитесь. Обычно мы в номера не подаем. Не входит в обязанности. Но для приятного клиента... — И она исчезла за дверью.

* * *

— Как же ты из этой бодяги выпутался? — Задал вопрос кто-то из сидевших у костра.

— Да, уж вынырнул... Алиби... Экспертиза была. Установили, что смерть не от травмы. Наоборот, травма при падении образовалась. Чистый несчастный случай вывели...

— А кража денег?

— Кто ж про них знал?

— Повезло тебе, мужик! Легким испугом отделался.

— Легким? Я бы так не подумал. Следом еще один случай создан, после которого окончательно решил я могилу колдуна разыскать, чтобы прощения вымолить. Тогда-то и понял я, что засыпать мне вблизи от людей никак нельзя. Иначе всякое могло случиться от второй моей половины. Так меня на прощанье старик-колдун одарил.

* * *

— Нету к тебе претензий у прокуратуры. Радуйся! Но, городок наш тихий постарайся подальше объезжать. Не поверил я в твою невиновность. — Участковый распахнул дверцу УАЗика. — Хочу быстрее с тобой расстаться. Сильно много странностей наслушался. До трассы отвезу. Тридцать верст не круг. Быстрее о тебе забудем.

После всех нагрянувших за последние дни переживаний Макс внезапно уснул, как только машина вырулила за окраину городка. Станный сон встревожил до глубины души: сидит он за рулем машины и давит на педаль газа до упору, а впереди, на дороге, старик-колдун стоит, улыбается счастливо. Направил Макс машину прямо на него, смять решил.

А машина прошла сквозь старика, как сквозь пар легкий. Не заметил, как на всем ходу в дерево

врезался. Уронил разбитое лицо на баранку. А тут и старик подоспел. Открыл дверцу и пальцем грозит:

— За что во второй раз решился жизни меня лишать? Разве не за прощением шел?

Тут и проснулся.

Батюшки! Машина взаправду в дерево уперлась. Лобовые стекла — в осколки. Машинально протер рукавом лицо. На рукаве рубашки отпечаталось сплошное кровавое пятно. Глянул в зеркало заднего вида, а там опять эта мерзкая рожа. Ни одной царапинки. Смотрит победителем.

— Возгордился мент! Не согласен он, видишь ты, с решением прокурорским. Свои меры принять надумал. Ничего! Проучил его слегка. Так ему врезал, что вытолкнуть из кабины ничего не стоило... Только, неудачная поездка вышла. Слишком рано ты просыпаться решил. Вот, в дерево и врезались.

— А что с участковым, тварь?!

— Выбирай слова! Себя, ведь, оскорбляешь! Откуда мне знать, что с ним. Нас километров пять разделяют...

Макс выбрался из машины и побрел в обратную сторону. Может быть еще есть надежда помочь инспектору. Неплохой же парень. Другой бы выставил его из городка пешим ходом, а этот подвезти до трассы взялся. Надо помочь. В голове

вертелось с надеждой: «Только бы жив был! Только бы жив...» По времени пора бы уже участковому и объявиться на дороге. Ни встречно, ни попутно никто не проезжал. Знать, подсесть было не к кому. Куда же девался то? Увлеченный своими мыслями, не заметил, как со стороны стоявшего на обочине куста метнулся к нему человек. Поваленный лицом на землю, он не сопротивлялся, когда чьи-то умелые руки застегнули на запястьях его рук холодные металлические браслеты.

— Так-то надежней будет! Знатно ты меня за все отблагодарил. — Машина где?

— Там, впереди. В дерево она врезалась...

— Вот отчего у тебя рожа разукрашена. Пошли смотреть, что сделать сможем. Повезет, на ней назад доберемся. Теперь-то уж надолго к нам пожалуешь. Покушение при исполнении...

— Не покушался я!

— Все вы так поете, когда жареным пахнет.

— Не делал я этого. А чтобы поверил мне, я по другому случаю в сознанку пойду. Есть на мне кровь. Только не твоя. Выслушай только.

— Валяй, сочиняй. Время есть.

Макс выложил ему все свои злоключения.

— Хотелось на халяву бабок срубить. А порубил жизнь свою... — Закончил он исповедь.

— Складную байку ты мне рассказал. Не поверил бы, когда бы не было ориентировки из

области, что возле старых развалин нашли потерявшего сознание старика. Очевидно со зверем каким в лесу встретился. Толи знахарь какой, толи — колдун. Выходит — вы тем зверем были и старика так помяли. Не знаю, выжил ли старик. Писали в реанимацию его поместили. Коль не оговорил себя, то точно в наших краях на несколько лет загостишь...

— Пусть так. Мне бы старика увидеть.

— А как иначе? Обязательно увидишь. Он тебя опознавать будет, коли на ноги встанет.

— Очень хочу, чтобы встал!

— А что с твоим двойником делать будем?

— Поймать бы его надо...

* * *

— Ну и как? Отловили? — Лева подал пришельцу еще одну кружку с чаем.

— Какой там! Машина, правда, не совсем сдохла. Мы до городка часа за два добрались. Мне совсем худо стало. На ногах стоять не мог. Участковый меня в медпункт завез, а там скорую вызвали и в больничку отправили. Сумел я уговорить участкового, чтобы возле меня постоянно кто-то был. Вдруг, засну и новые гадости на мою шею повешаются. С недоверием, но

просьбе внял. Послал со мной работника с наказом глаз с меня не спускать.

Нашпиговали меня там какими-то жидкостями, раны обработали, в палату отвели. Там еще кто-то был, одеялом укрытый. Только не успел я разглядеть — кто. До подушки дотянул и скис. Как в яму провалился.

Крик меня разбудил. Как силы позволили, вскочил я с кровати. Гляжу, на полу милиционер лежит. Не шевелится. А над соседней койкой пистолет в воздухе дергается из стороны в сторону. Чья-то старческая рука что-то невидимое пониже пистолета сжимает и вслед за ним туда-сюда. Словно за хвост держит. Но ничего не видно. Вдруг, знакомый старческий голос:

— Зеркало со стола возьми! Гляди в него!

Схватил я зеркало и, только глянул в него, все понял. Мой горький подарок там отражается. Физиономия злая. Пистолет в руке. Все норовит в старика прицелиться да курок нажать.

— А теперь верши, что тебе наказывал!

Не знаю как что вышло, только перехватил я руку своего двойника, сжимавшую пистолет, развернул ствол ему в лоб и курок спустил...

Участковый не скрывал своей радости, видя мое пробуждение.

— Сестра! Сестра! Очнулся!

Тут же в дверь вбежали две женщины в белых

халатах.

— Вот и славненько. Очнулся, миленький. — запричитала одна из них и стала осматривать Макса и ощупывать его тело. — Тут больно? Это хорошо. Это — очень хорошо. Молодость свое берет. Все у тебя нормально будет. Как ты нас напугал! Неделю в коме. Вроде и причин особых не было!

— А где мой сосед?

— Какой сосед? Ты один, родной, в палате был. Правда, еще милиционера на дежурство определяли. Но он слабак оказался. От вида крови в обморок решил упасть. Даже шишак себе набил.

— Если бы только шишак. — Участковый недовольно махнул рукой.

— Он с перепугу еще и из пистолета пальнул. Почудилось, что кто-то его по голове ударил. А кто его ударить мог, когда вы в палате всего вдвоем-то и были? Правда, ты — толи без памяти, толи во сне. Привиделся же тебе сосед по койке в одноместной палате. — Он многозначительно подмигнул мне. — Думаю, все на лад пойдет. Да! Чуть не забыл! Старичок-то, о котором ты мне рассказал, он выздоровел. Удивился, когда я твою историю ему пересказал. Выдумщиком тебя обозвал. Но, просил передать, что разыскать тебе его надобно. Ждет он тебя. Какую-то вещь показать обещал. Сказал, что ты знаешь, о чем речь.

У же от двери участковый оглянулся.

— Что это с тобой, паря? Глянь в зеркало... Ты же на глазах постарел!

Макс взял зеркало. С холодного глянца стекла на него смотрело морщинистое лицо много пережившего пожилого человека. Густые пряди волос щедро украсила седина.

— Я найду его! Обязательно найду.

— Адресок, верно, знаешь?

— Не заплутаю!

* * *

— Вот так, дорогие мои незнакомцы, достался мне этот страшный подарок. Теперь избавиться от него хочу. Если...

Что он подразумевал под своим «если», Макс не договори.

Поблагодарив за чай, он растворился в ночных чернилах.

— Странный человек. — Отметил Лева. — Могло ли такое быть? Очевидно, присочинил ...

Но, мне почему-то захотелось поверить этому случайному прохожему. Потому и поделился с вами.

Май—июнь 2008 г.

Обида

Сергей притворил дверь и вздохнул: вот она — романтика приключений. Поручили проверку по материалу о несчастном случае. Шагай, Сережа, по чужой тропинке, разглядывай чужие следы и знай заранее, что это тощее дело, после никому не нужных твоих усилий, снова ляжет на пыльную полку архива.

Разместившись за выдавшим виды столом, определенным ему в качестве рабочего места, Сергей стал внимательно изучать страницы порученного ему дела.

— Давай, трудись! Может нас, стариков, чему обучишь... — Донеслось из-за соседнего стола.

Сергей, не отрываясь от бумаг, представил себе, как добрая улыбка появилась на лице его нового наставника.

— Вас научишь! — Добродушно проворчал в ответ.

— Всякое может быть. Ты сразу старайся увереннее шагать. С первых шагов. Почву под каждый шаг щупать нужно. Как на болоте. Тогда все получится. Понял?

— Понял, Борис Ефимович. Только, эту тропинку еще до меня всю прощупали.

— Похоже, что не всю. Отчего же жалоба

родилась? Шустов — парень хороший. Только, из-за занятости своей, мог что-то и упустить. Мелочь какую. Подумал, что случай рядовой. Вот и упустил. Ты с ним поговори.

Шустов встретил Сергея не очень приветливо.

— Поручили в чужих бумагах покопаться? Пустое занятие. Тут все, как в ясный день: выпал из вагона почти слепой старичок. Выпил. Силенки не рассчитал. С пьяну-то и перепутал двери. Почти на глазах у внука все произошло. Внук и стоп-кран сорвал. Экспертизы произведены, очевидцы опрошены...

— Хочешь с соседкой пострадавшего повторно побеседовать? — Начальник отдела с любопытством смотрел на Сергея. — Решил провести дополнительную проверку по материалу? Не доверяешь Шустову?

— Доверяю. Только, кое в чем хочу самостоятельно разобраться. — Ответил Сергей. — Вы же сами мне это дело поручили изучить. Зачем же соседке писать жалобы в разные инстанции на поверхностность проверки и неверных заключений по обстоятельствам?

— Логично. Но, не убедительно. Что у тебя самого вызвало сомнение?

— Один незначительный факт. Вот, прочтите, что соседка пишет...

Сергей впервые попал в этот городок,

расположившийся у подножия громадного кургана, гордо обозначившего свое одиночество посреди ровной, как ладонь, степи. Уютный, тихий городок с узкими улочками, обсаженными по обочинам тополями.

Возле нужной ему калитки долго выслушивал беззлобный лай дворовой собаки. На его стук в калитку никто не вышел. Тогда он прошел к соседнему дому, который был обозначен местом прижизненной прописки пострадавшего.

— Степины здесь живут?

— Нет. Они уже здесь не живут. Старик на вечный покой перебрался. А внук его куда-то умотался. — объяснила невысокая женщина с приятной, почти детской улыбкой. Теперь здесь Рулевы проживают. Вы родственник их? Проходите в дом. Чего в сенях толочься?

Сергей примостился на лавчонке возле двери, не желая наследить в опрятно прибранном жилье.

— Мы сами местные. Жили на соседней улице. — Делилась словоохотливая хозяйка. — Давно с мужем свое жильё иметь хотели. А тут случай подвернулся. Внук Степина за дом-то и цену невеликую поставил. Домик-то, видите какой. Другие куда больше за такой попросят. Ему уезжать срочно понадобилось.

— Причину отъезда не рассказывал? — Поинтересовался Сергей.

— Как же? Говорил, что после гибели деде жить здесь не может. Любил его сильно.

Простившись с гостеприимной хозяйкой, Сергей вновь постучал в знакомую уже калитку. Женский голос резко оборвал, попробовавшего было залаять, пса и перед Сергеем предстала сухонькая старушка, горбившаяся уже под тяжестью прожитых лет. Обеими руками она упиралась на самодельную трость.

— Кого надо? — Спросила старушка скрипучим голосом.

— Солодова Клавдия Николаевна здесь проживает?

— Вся перед тобой. Чей будешь?

— Приезжий я. По жалобам Вашим.

— Из милиции?

— Да.

— Проходи. Решил взглянуть, кто на старости лет жалобы строчит? Или всерьез мне поверили? Смелее шагай. Я еще не прибиралась.

— Решил с вами познакомиться. Может, что-то в письмах отразить запомнили.

— Правильно. В маленький листок всего не втолкнешь. В разговоре полегче будет все объяснить.

В маленькой столовой, занимавшей левую часть первого этажа какой-то конторы, Сергей перекусил, запивая пищу необычайно вкусным

молоком. Одновременно пробежал некоторые объяснения. Все характеризовали старика Степина, как трудолюбивого, хозяйственного. Старуха Солодова, прожившая рядом с ним почти полвека, отмечала некоторую его скуповатость. Деньги тратил только в случае большой необходимости. Шиковать не любил, хотя деньги у него всегда водились. Сколько знала его соседка, Игнат Степин всегда живность разводил да на рынке у дороги приторговывал. Года два назад занимала у него крупную сумму зятю на машину. Деньги дал сразу. Но срок возврата установил жесткий. И потребовал, чтобы всей суммой сразу, а не по частям.

Подозрительным Солодовой показалось то, что внук Игната единственным наследником его быть должен, а на похороны деда деньги у соседей занимал. При этом предупреждал, что только через полгода возвратит, когда дом в наследство получит и продать сможет. Куда же дед Игнат дел свои накопления?

— Идут дела? — Поинтересовался Борис Ефимович, пожимая руку возвратившемуся из командировки Сергею. — Новенького накопал?

— Есть маленько... — И Сергей подробно изложил все свои новости.

* * *

— Вот оно как! — Отозвался по завершению рассказа Борис Ефимович. — Теперь тебе, край, с попутчиками дедовыми встретиться бы надо. С соседями по купе. Дед всем, как не пьющий мужик запомнился, а в экспертном заключении наличие алкоголя зафиксировано.

— И я так думаю! Договоритесь с начальством о командировке?

— Не вопрос.

Семья Воронковых жила на улице Центральная. Квартира их на втором этаже была залита солнечным светом.

— Светло у вас. — Заметил Сергей.

— Солнечная сторона. — Сразу же отозвался хозяин. — Вот оно к нам и заглядывает. С чем пожаловали?

Сергей изложил суть возникших вопросов.

— Из-за этого за сотни километров? Мы же участковому своему все описали: как старик в тамбур пошел, как внук его стоп-кран срывал и из вагона выпрыгивал, чтобы к деду бежать. Все описали. Мы же, все вместе пообедать в вагон-ресторан ходили. Жена? Вернется скоро. От нее то же самое и услышите...

Мария Григорьевна действительно

подтвердила рассказ мужа. Но кое-что и добавила.

— В первую ночь, когда спать легли, мой и захрапел сразу. А меня сон никак взять не мог. У нас с мужем верхние полки были. К стене отвернулась и лежу. Тут внук обиду деду выражать начал за то, что тот его с деньгами какими-то сильно обманул. А дед в ответ твердит, что и его жизнь не обидела. А внук вопрос: «Зачем же ты меня в такую даль тащил, чтобы комедию эту разыграть?» Дед в ответ: «Жадность, она людей губит. Можешь и то, что обрел, потерять.» Потом притихли они. О чем речь была, мне не понять. Только, поутру, вижу, что внук смурной какой-то стал. Дед же, в обрат, повеселел, кажется. С утра мужика моего в ресторан сгонял. Говорил, что праздник у него в тот день был. Отметить пожелал. Внук отговорить пытался, а он на своем настоял. Помню, сказал внуку: «Жить, жить, да не крикнуть — что за жизнь?». Выпил старик не очень много. Но, хмель его сразу осилил. Стал нам разные случаи из своей молодости рассказывать. Потом обедать всех позвал...

— В каком порядке вы в ресторан шли? — Уточнил Сергей.

— Писала же.

— Уточните еще разок.

— Первым старик шел. За ним — внук его. Потом я и муж.

— Никто, нигде не задерживался?

— Ой! Как же я раньше на это внимания не обратила! Задерживалась я у купе. Ждала, пока муж за проводницей ходил, чтобы дверь запереть. В это-то время дед и вышел в тамбур.

— А внук?

— И внук следом...

— Я от них приотстал немного. — Вступил в разговор Воронков. — Пока с проводницей парой слов перебросился. Жену окликнул, чтобы шла уже. Потом в тамбур... А тут внук мне навстречу и к стоп-крану. Бледный, как мел.

— От чего же раньше о том молчали?

— А кто нас о том спрашивал? — Вступилась за мужа Мария Григорьевна. — Пришел участковый, объяснения взял. Главный вопрос был: не затеял ли старик с кем из пассажиров ссоры в момент гибели. Вот и все. Как спрашивали, так и писали.

— Когда, говоришь, младший Степин прибыть должен? — Поинтересовался Борис Ефимович, когда Сергей изложил ему результаты поездки.

— Пригородным. Он сейчас на руднике трудится.

— Не будешь возражать, если я участие в вашей беседе приму? Хочется посмотреть и послушать, как наша смена нам нос утирать будет.

— Вам утрешь!

— Ладно. Не скромничай.

Внук, как заведенный, во второй раз твердил о том, что изложил в данном ранее объяснении, даже отступлений от текста практически не делал.

— Это мы уже слышали. Лучше о денежках дедовых нам поведай. Куда сбережения его подевались? — Прервал его Борис Ефимович.

— Какие сбережения?! — Возмутился Степин.

— Вот эти. — Борис Ефимович пододвинул к нему лист с объяснением Марии Григорьевны, отдельные фразы которого были подчеркнуты карандашом. — Почитай.

Степин пробежал по указанным местам теста и щеки его побледнели.

— Вы... Вы предполагаете... Вы думаете...

— Оставим без внимания то, что мы предполагаем и думаем. — Остановил его Сергей. — Лучше поговорим начистоту.

— Не было у него денег. Только на дорогу и оставались.

— И Вы с ним не ссорились? А как понимать показания свидетельницы?

— Думаете, что это я его... из-за денег? Родного деда?

— Родного ли?

— На что Вы намекаете?

— Вот жалоба гражданки Солодовой.
Читайте!

Пробежав взглядом по тексту, Степин обхватил голову руками и замер, уперев локти в колени. Борис Ефимович и Сергей не нарушали его молчания. Они ждали этого момента, Они знали, что теперь Степин заговорит.

— Да. Детдомовский я. Приехал он однажды в наш детдом, гостинцев понавез... Слышали, наверное, как детей оттуда забирают? Так и объявился у меня дедушка. Самым счастливым на земле стал. А когда в школу пошел, он мне все новенькое справил на зависть одноклассникам. Года четыре длилось мое пребывание в счастливой сказке. Дед и за няньку, и за отца. Все пылинки с меня сдувал. Бывало, посадит на колени и скажет: «Ныне я — твоя опора. Состарюсь, тогда ты моей будешь. Будешь?!» Я обещания горячие сыплю, а он улыбается довольюно.

Однажды приехала к нам какая-то старуха. С неделю у нас прожила. После отъезда ее деда словно подменили. Лодырем меня обзывать стал, Заставил за скотиной ухаживать, хотя раньше твердил, что мое дело учиться хорошо. Самое же обидное для меня было о, что он меня торговать на привокзальном рыночке пристроил. Казалось мне, что весь город смеется надо мной. Спрячу за пазуху галстук пионерский и иду. Как на каторгу. После

восьмого класса он меня в училище пристроил. Рабочим человеком, говорил, надо становиться, а не штаны, дедом купленные, на школьных партах протирать. Напомнил, как тяжело ему пришлось со мной. Все, что зарабатывал, он у меня забирал. Даже на карманные расходы клянчить приходилось. Почтальонша, как-то, проговорила мне, что дед куда-то на юг деньги регулярно шлет. Дочь у него там объявилась. Родная! Тогда и упрекнул его, что у меня забирает, а куда-то шлет. Тогда-то и услышал в ответ, что никаким родственником ему не прихожусь. Вырастил он меня из жалости... Ушел я от него. Два месяца в общежитии жил. Потом на службу призвали. Два года дед меня письмами бомбил. Прощения просил. Каялся. Обещался, что больше слова обидного от него не услышу. Оттаял я, домой вернулся со службы. Дом в порядок приводили. Постройки разные во дворе возвели взамен устаревших. Два года этим занимались. В помощь и людей нанимали. Как без того. Вроде, все в свою колею вошло. Начал подумывать о женитьбе. А тут телеграмма! Деда на свадьбу приглашают. Родная внучка его замуж выходит. Дед и меня вместе с собой позвал. Там я и познакомился с его дочерью и внучкой. Свадьбу громкую отвели. Перед отъездом, когда уселись к последнему ужину, дед сообщил мне, что все сбережения свои дочери подарил, чтобы она и

потомство ее не вспоминали его недобрым словом за то, что оставил их в свое время без помощи. Я его в коридор вызвал. Спросил, как это он без моего согласия и моими деньгами распорядился. А он обозлился и ляпнул, что родные внуки надеждой его будут, а я, чужак, как ветер в поле: сегодня рядом, а завтра... Так мне обидно стало от слов его, что передать не могу. Только промолчал. В поезде только о том упомянул. Когда спать укладывались. Не сдержал, выходит, данных мне обещаний...

— Так у него с собой денег не было? — Уточнил Сергей.

— Это же проверить легко. Сколько с книжки снял, сколько дочери передал. Дочь его деньги считать умеет. На похороны не приехала. Зато на полдома сразу права предъявила. Своего не упустит.

— Какие права?

— Из-за нее-то я дом и продал, чтобы рассчитаться. Да и за дедовы похороны... За три тысячи продал. Полторы ей выслал. Квитанция имеется.

— Как же дед-то погиб?

— Все так и было, как раньше говорил. Только одно не договаривал: мог я его спасти. Только не стал... Когда он не ту дверь отворил по слепоте своей, хмельным усиленной, мог бы окликнуть или за руку отдернуть. Только... не стал

я делать того. Видать, обида сознание затуманила. Никто бы этого и не узнал. Одни мы с ним в тамбуре в тот момент были...

Сентябрь 1985 г.

Капкан

Глава 1. Случайная встреча

Лошади, устало опустив головы, еле ступали по поросшим мхом камням. Тяжелые лапы елей беспрестанно хлестали их по вздрагивающим бокам. Какое-то подобие носилок, привязанное меж седел мешало сохранять равновесие и держаться узенькой тропинки. Нет-нет, одна из лошадей оступится, рванет вперед и вверх, чтобы устоять. Тогда из-под выдавшей виды шинели, наброшенной на кого-то, лежавшего на неуклюжем сооружении, вырвется протяжный стон. А потом снова только удары копыт да гулкий стук каблуков изношенных сапог понуро шагающего парня, ведущего за собой обеих лошадей. Парен этот, временами, когда вершина пригорка с поредевшей растительностью позволяла ему видеть дальше обычных лесных границ, останавливал движение и всматривался

вперед, туда, где закатное солнце красным яблоком неуклонно катилось к земле, готовое соскользнуть с узкой черты горизонта, чтобы надолго пропасть из виду. Тогда наступит темнота. Лес превратится в сплошное месиво черных теней. Определить направление движения будет невозможно. А дойти нужно. Ох, как нужно! Для того, чтобы стонущий Петруха мог снова увидеть рассвет. Для того, чтобы узнали люди, какие звери бродят по уезду под командой атамана Черного, который был ранее офицером белой армии. Мысли эти заставляли Максима находить в себе новые резервы истрепанных сил, которые никогда ранее не проявились бы. И он жил одним стремлением — двигаться вперед.

А солнце, между тем, обожгло лес багряным заревом последних лучей и деревья окунулись в о тьму.

— Неужто зря все? Неужто... — Максим подошел к носилкам. Шершавой ладонью стер с лица Петюхи влагу. — Куда же мы с тобой? Потерпи, друг любезный. Потерпи, родной...

Должен я спасти тебя...

— Чего это, мил человек, сам с собой разговариваешь?

Максим резко обернулся на голос, выхватил из-за ремня револьвер. В трех шагах от него на тропинке стоял невысокого роста, пожилой